

В. И. Кузицин

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ДРЕВНЕГО РИМА КАК ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ТИП

В РАННЕМ Риме господствовали относительно простые аграрные отношения, а ведущими типами хозяйств, по всей вероятности, были крестьянский двор и более или менее крупное (по территории) имение, видимо, обрабатываемое арендаторами или клиентами¹. Широкое проникновение рабства в сельское хозяйство Италии начиная со II в. до н. э. привело к усложнению традиционной картины. Появляются новые типы хозяйств — рабовладельческие поместья, ранее малоизвестные, отличающиеся по своей организации, приемам обработки земли, направленности производства. Тем не менее крестьянское хозяйство не исчезает: оно продолжает существовать и играть заметную роль в сельскохозяйственном производстве II—I вв. до н. э. В современной науке вопрос о роли крестьянства в римском обществе и крестьянского хозяйства в судьбах италийского земледелия и аграрных отношений II в. до н. э. — I в. н. э. решали по-разному², однако как общую тенденцию следует отметить стремление преуменьшить его значение³. При исследовании экономики и аграрных отношений Италии этого времени крестьян-

¹ К I в. до н. э. в Риме уже сложилась устойчивая традиция, восхваляющая доблесть, простоту и скромность «предков» V—IV вв. до н. э. Сенаторы, консулы и диктаторы того времени изображались как владельцы небольших крестьянских участков, на которых трудились сами их почтенные владельцы (Varr., III, praef.; Sol., praef. 13—14; Plin., HN, XVIII, 18—21). При всей искусственности этой традиции она, видимо, отражает действительное преобладание мелких крестьянских хозяйств в римской деревне V—IV вв. до н. э. См. М. Вебер, Аграрная история древнего мира, М., 1923, ч. III, гл. 1; Д. Луццатто, Экономическая история Италии, ч. I, М., 1954, стр. 46—65; Л. А. Ельницкий, Возникновение и развитие рабства в Риме в V—III вв. до н. э., М., 1964, особенно — гл. V; M. Dureau de la Malle, La économie politique des Romains. P., 1840; J. Toutain, The Economic Life of the Ancient World. N. Y., 1968; T. Frank, An Economic History of Rome, L., 1927; T. Frank, ESAR, I, Intr. 4; M. Rostovtzev, Storia economica e sociale dell'impero romano, Firenze, 1933, гл. I; Histoire générale du travail. Publ. sous la dir. de L.-H. Parias, t. 1. Préhistoire et antiquité par L. R. Nougier, P. Garelli, e. a. P., 1959, Livre V. Le monde romain, par R. Remodon, гл. II, стр. 284—294.

² Ряд исследователей, например, Ж. Туген, Дж. Луццатто, отмечают повышение роли мелкого производства уже в I в. н. э.

³ Помимо указанных работ, можно сослаться на: W. E. Heitland, Agricola, A Study of Agriculture and Rustic Life in the Greco-Roman World from the Point of View of Labour, Cambr., 1921; G. Tibiletti, Lo sviluppo del latifondo in Italia dell'epoca Graccana al principio dell'Impero, «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze storiche», II, 1955, Roma; C. Nicolet, Les Gracques ou la crise agraire et la révolution à Rome, P., 1967; R. Billard, L'agriculture dans l'antiquité d'après les Géorgiques de Vergile, P., 1928, Introduction.

ское хозяйство, как правило, недостаточно принимается в расчет, основное внимание исследователей обращено на рабовладельческие виллы, имения, латифундии⁴.

По нашему мнению, от пренебрежительного отношения к исследованию крестьянского хозяйства в Италии II в. до н. э. — I в. н. э. нужно отказаться. Хотя нет сомнений, что к этому времени ведущим типом в сельском хозяйстве Италии стала рабовладельческая вилла, но рядом с виллами жили мелкие производители — крестьяне-собственники или колонны-арендаторы. Недостаточное внимание современных ученых к данному типу хозяйства может, впрочем, найти некоторое оправдание в состоянии наших источников. Если для характеристики рабовладельческих поместий мы располагаем такими добротными источниками, как сочинения римских аграрных писателей, многочисленны, хотя и разбросанные сведения других авторов, остатки сельских вилл, то для воссоздания картины крестьянского хозяйства данных гораздо меньше: они разбросаны часто по крупицам в разных сочинениях, беден эпиграфический и археологический материал. Тем не менее, положение не так уж безнадежно. При внимательном и целенаправленном изучении источников в руках исследователя оказывается материал, позволяющий говорить об основных особенностях крестьянского хозяйства как экономического типа. С нашей точки зрения, большую ценность представляют сведения, которые можно почерпнуть из римской художественной литературы, в частности, из стихотворений Тибулла и Горация. Сохранились также два произведения, которые целиком посвящены описанию крестьянского хозяйства и деревенского скромного быта и сведения которых для данной темы особенно ценны. Речь идет о довольно крупном отрывке, дошедшем под названием «Moretum», и поэме Вергилия «Георгики»⁵.

Собранный материал позволяет охарактеризовать крестьянское хозяйство как раз с экономической точки зрения и установить черты, отличающие его от других хозяйственных типов, распространившихся на италийской земле во II в. до н. э. — I в. н. э.

РАБОЧАЯ СИЛА И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ

Одна из важнейших проблем любого хозяйства — вопрос его обеспеченности рабочей силой. Для иных типов хозяйств, например для тех, которые используют главным образом арендаторов, наемников или рабов, эта проблема оказывается очень острой. В крестьянском хозяйстве положение несколько иное. Крестьянское хозяйство может быть определено как трудовое, т. е. использующее труд семьи, сидящей на данном земельном участке⁶. Поэтому для такого мелкого производства не существует острой проблемы рабочей силы. Иными словами, крестьянин, трудящийся

⁴ Среди довольно обширной литературы о римском сельском хозяйстве и его разных аспектах нам известны немногие специальные исследования о римском крестьянстве (в том числе колонате) II в. до н. э. — I в. н. э. Можно указать, например: G. Steiner, *The Fortunate Farmer in Ancient Italy*, «Classical Journal», LI, 1955, стр. 57—67; V. A. Sirago, *L'Italia agraria sotto Traiano*, Louvain, 1958, гл. 3 и 4, раздел II. Интересные замечания о характере крестьянского труда и об оплате различных категорий наемников см. в «Histoire générale du travail...», P., 1959, t. 1, стр. 324—333; E. Kognemann, *Bauernstand*, RE, Supplbd IV, 1924, стб. 96—108. Интересные соображения высказаны в кн. H. Dohr, *Die italische Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros*, Köln, 1965.

⁵ Кроме работ Р. Бийара и Г. Стейнера, см. также L. Wilkinson, *The Georgics of Vergil. A Critical Survey*, Cambr., 1969.

⁶ К. Маркс, *Капитал*, т. 1, 1969, стр. 87—88, 756—757; В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, Соч., т. 3. Особенно гл. I, §§ 1—3, 9; гл. II, § 1; гл. III; гл. IV § 9.

на земле сам вместе со своей семьей, обычно мало зависит от посторонних работников ⁷.

Количество занятых на участке людей зависит от общей численности и возрастного состава крестьянской семьи. Хотя средний состав древнеримской крестьянской семьи нам неизвестен, тем не менее, видимо, не лишены некоторого исторического смысла упоминания об отцах троих, четверых и пятерых детей в римском законодательстве конца Республики и I в. н. э. Видимо, семья из пяти человек считалась своего рода нормой. Правда, сам факт дарования серьезных привилегий, особенно представителям господствующего класса, говорит об иной численности их семей, тем не менее мы считаем возможным допустить известное значение этой нормы для сельского населения Италии II в. до н. э. — I в. н. э.

Юлий Цезарь в аграрном законе 59 г. предусматривал наделение 10-югеровыми участками отцов троих детей (Cic., ad Att. 2, 16; Liv., Epit. 103; Suet., Jul. 20). Видимо, нечто аналогичное содержалось или предполагалось в законопроекте Сервилия Рулла 64 г. до н. э. ⁸ По закону Юлия 18 г. до н. э. и Папия — Поппея 9 г. н. э. предусматривалось дарование разных льгот и привилегий отцам троих детей — жителям города Рима, четверых детей — италийским жителям, пятерых детей — римским гражданам, обосновавшимся в провинциях ⁹. Эти законы предполагали, таким образом, семьи в пять — семь человек, причем считалось само собою разумеющимся, что сельские семьи более многочисленны, чем городские ¹⁰.

Для крестьянских семей в других странах и в другие исторические эпохи мы также знаем, что семьи в шесть — восемь человек были преобладающими, хотя были и меньшие семьи и даже одинокие крестьяне, бобыли.

В типичном крестьянском хозяйстве используется рабочая сила всех трудоспособных членов семьи: главы семьи, его жены, взрослых детей и подростков. В литературе, посвященной крестьянскому хозяйству России конца XIX — начала XX в., обычно принимались такие расчеты рабочей силы крестьянской семьи: полная рабочая единица — глава семьи, его жена — 0,8 условной рабочей единицы, подростки с 13 лет — 0,5 единицы, с 15 лет — 0,7, а с 18 лет — 1,0 единица. Таким образом, на хозяйственных работах были заняты самое меньшее 1,8 условных рабочих единиц, а при наличии двух-трех детей через 13 лет супружеской жизни рабочая сила семьи возрастала до 2,3 а затем и до 2,5 и 2,8 работников ¹¹.

⁷ Dureau de la Malle, ук. соч., II, стр. 2—7; E. W. Heitland, ук. соч., стр. 149—150, 156, 160, 201; I. K o l e n d o, Le travail à bras et le progrès technique dans l'agriculture de l'Italie antique, «Acta Poloniae Historica», 18, 1968, стр. 62.

⁸ Сервилий Рулл, как и Цезарь, предусматривал наделение участками в 10—12 юг. кампанской земли.

⁹ G. R o t o n d i, Leges publicae populi romani, 1962 [б.м.], стр. 445—447 и стр. 457—462; A. B e r g e r, Encyclopedic Dictionary of Roman Law, Philadelphia, 1953, стр. 530, 553. О политике Августа в вопросах народонаселения см. J. E. S p r u i t, De lex Julia et Papia Poppaea, Deventer, 1969.

¹⁰ Ср. также J u v., Sat. XIV, 167—171:

... такого клочка им (предкам.— В. К.) хватало,

Сыт был отец и вся куча в избе, где супруга

Родов ждала, и играли ребята — хозяина трое,

Рабский один; а старшим их братьям, вернувшимся с пашни

Иль от копания ям, готовился ужин особый...

(пер. Д. Недовича и Ф. Петровского).

Ср. современные данные: Н. В. N a w t h o r n, The Sociology of Rural Life, N. Y.—L., 1926, стр. 138—146. Образцом римского крестьянина середины II в. до н. э., по Ливию, был Спурий [Лигустин из Сабинии, собственник небольшого клочка земли, отец шести сыновей и двух дочерей; Liv., 42, 34.

¹¹ А. В. Ч а я н о в, Влияние состава и величины крестьянской семьи на ее хозяйственную деятельность, «Труды Имп. Вольного экономического общества», 1912; о н ж е, Очерки по экономике трудового сельского хозяйства, М., 1924, стр. 76—78.

В Риме мальчик считался совершеннолетним в 16 лет, а девочка в 14 лет, поэтому они активно вовлекались в процесс производства, видимо, с 11—12 лет, и крестьянская семья в Риме получала дополнительную рабочую силу несколько раньше, чем, например, в России конца XIX в. Упоминающие о мелких земледельцах римские писатели постоянно подчеркивают, что они обрабатывают земли вместе со своим потомством (*plerique pauperculi cum sua progenie* — Varr., I, 17, 2) или семейством (*subole, suo colono* — Plin., NH, XVIII, 38). Трудлюбие сельской молодежи постоянно подчеркивается древними авторами¹². По всей вероятности, эти упоминания имеют в виду лиц, работавших на отцовских участках и еще не имевших собственного хозяйства¹³. Видимо, описание некоторых бытовых черт сельской жизни, сделанное Вергилием, близко к исторической действительности. Такова картина зимних досугов крестьянской семьи, во время которых сам хозяин «...пред огнем светильника в бленьи время проводит, точа железом факелы острым; свой тем временем труд утешая песнею долгой, звонко бегущий челнок пропускает жена по основе» (I, 291—295), когда девушки «сучат уроки ночные» (I, 390—392) и «терпелива в трудах молодежь, довольная малым» (II, 472)¹⁴. Как бы ни был мал земельный участок, он обрабатывался всей семьей. Если же участок был крупнее, порядка 20—30 юг., то, по всей вероятности, кроме членов семьи, могла применяться и дополнительная рабочая сила, например рабы. Так, Плиний говорит, что «хорошо обрабатывать землю необходимо, а превосходно убыточно, если только земледелец не обрабатывает ее сам с семейством или с теми, кого он и без того содержит» (XVIII, 38), под последними словами, очевидно, подразумевая рабов¹⁵. В этой связи очень показателен рассказ Плиния (XVIII, 41) о хозяйстве Гая Фурия Кресима: «Когда Гай Фурий Кресим по освобождении из рабства стал получать с довольно маленького участка урожая гораздо обильнее тех, которые получала вся округа с громадных участков, то ему начали сильно завидовать... Он принес на форум весь сельскохозяйственный инвентарь и привел туда своих здоровенных рабов, выхлещенных, хорошо одетых, как говорит Пизон, с железными орудиями превосходной работы, с тяжелыми кирками, увесистыми лемехами и сытыми волами, а затем сказал: „Вот мое колдовство, квириты, но я не могу показать вам или привести на форум мои ранние вставания, мое бодрствование по ночам, проливаемый мною пот“». Этот отрывок несет на себе явные следы литературной обработки, целью которой было более яркое противопоставление личного труда свободного человека труду не заинтересованного в работе раба. Однако в рассказе есть и реальное содержание, вполне соответствующее практике крестьянского хозяйства. Как известно, после 167 г. до н. э. в сельские трибы стали записывать тех отпущенников, которые имели сельских владений больше, чем на 30 тыс. сест., т. е. больше 30 юг¹⁶. Следовательно, у Кресима был довольно крупный участок и потому неудивительно, что в его хозяйстве упоминаются рабы, хотя рассказ Плиния в первую очередь имеет в виду собственный земледельческий труд Кресима и членов его семьи. Видимо, и другие зажиточные крестьяне (среди которых было много ветеранов), владевшие значительными участ-

¹² C i c., De leg. agr. II, 84; S a l l., Cat. 37, 4; V e r g., Georg. II, 458—474, I, 343.

¹³ Когда авторы говорят о деревенской молодежи (*pubes agrestis juvenus*), они имеют в виду людей, не имеющих собственной семьи и хозяйства.

¹⁴ Здесь и ниже пер. С. Шервинского, цит. по изд.: В е р г и л и й, Сельские поэмы. Буколики, Георгики, М.—Л., 1933.

¹⁵ Любопытно, что здесь использован термин *pasco*, обычно применяемый к скоту.

¹⁶ Е. М. Ш т а е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 91—93.

ками, держали по несколько рабов, вместе с которыми трудились члены семьи¹⁷.

Во времена Плиния Младшего сидевшие на его землях колонны, бедствовавшие в тисках недоимок, обрабатывали свои участки, тем не менее, с помощью рабов¹⁸. О том, что колонны могли иметь рабов, говорится в Дигестах (IX, 2, 27, 9, 11). Было бы упрощением распространять эти примеры на всю массу свободных крестьян и арендаторов. У значительной их части, владевшей небольшими участками, не было возможности, да и необходимости, приобрести рабов — участок в 10—20 югеров мог быть хорошо возделан силами крестьянской семьи, но более крупные крестьянские участки могли обрабатываться с помощью дополнительной рабской силы.

Как бы ни была велика крестьянская семья, как бы ни обеспечено постоянной рабочей силой мелкое хозяйство, в ходе годового сельскохозяйственного цикла временное привлечение дополнительных работников оказывалось иногда не только желательным, но и необходимым, — например, во время жатвы, сенокоса, уборки винограда¹⁹. В этих случаях покупать постоянного работника-раба вряд ли представлялось целесообразным, так как после срочных работ рабочая сила не могла быть использована с должной эффективностью. Нет ничего невероятного в том, что собственники небольших земельных участков могли нанимать мерценариев так же, как это делали владельцы рабовладельческих вилл²⁰. Однако подобная практика, видимо, не имела широкого применения в крестьянских хозяйствах: прежде всего в силу экономической маломощности их и крайней экономии — постоянной спутницы мелкого производства²¹. Более дешевой и потому более приемлемой формой мобилизации дополнительной рабочей силы была, скорее всего, своего рода хозяйственная взаимопомощь — экономическая кооперация ближайших соседей, таких же скромных землевладельцев²². О подобной практике данных мало. Прямое указание на этот счет относится к Триполитанию середины II в. н. э., но В. А. Сираго, видимо, прав, когда относит такую практику и к другим частям Империи, в том числе к Италии²³. Некоторые косвенные данные говорят о существовании соседской взаимопомощи и в более раннее время²⁴. Возможно, ее имел в виду Катон, когда писал:

¹⁷ Гракхи наделяли плебеев, видимо, 30-югерными участками и вместе с тем некоторой денежной суммой на покупку сельскохозяйственного инвентаря и, может быть, рабов. См. P l u t., Tib. Gracch. 14.; N i c o l e t, ук. соч., стр. 105; Ф. М. Н е ч а й, Рим и италийки, Минск, 1965, стр. 58.

¹⁸ P l i n., Epist. III, 19, 6: sed haec felicitas terrae imbecillis cultoribus fatigatur. Nam possessor prior saepius vendidit pignora, et dum reliqua colonorum minuit ad tempus, vires in posterum exhausti, quarum defectione rursus reliqua creverunt. Sunt ergo instruendi eo plures quod frugi mancipiis...

¹⁹ V a r r., I, 17, 2. Варрон, правда, подразумевает рабовладельческие виллы, но в данном случае его сообщение может иметь и общий характер.

²⁰ Не о найме ли мерценария речь идет в «Георгиках» Вергилия, I, 316: «... cum flavis messorum induceret arvis agricola et fragili iam stringeret hordea culmo»? На наш взгляд, messor, упомянутый здесь, — наемник. Ср. P. A. B r u n t, The Army and the Land in the Roman Revolution, JRS, 62 (1962), стр. 69—70.

²¹ Насколько экономен в своих расходах был крестьянин, показывает пример, приводимый Апулеем: A p u l., Apol. 56: крестьянин даже не приносит жертв богам частью из-за экономии, частью из-за недостатка средств.

²² Наемникам и издольщикам приходилось платить не так мало, по крайней мере, во времена Катона. См. М. Е. С е р г е е н к о, Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, М. — Л., 1958, стр. 15—16; Ш т а е р м а н, Расцвет..., стр. 15—16, 86—87; см. также R. R e m o d o n, в «Histoire generale du travail», стр. 327—328.

²³ S i r a g o, ук. соч., стр. 130.

²⁴ Э. Дютуа на заседании Общества латинских исследований прочитал специальный доклад: E. D u t o i t, Vicinus, vicinitas ou les rapports de voisinage dans l'antiquite romaine — резюме доклада см. в REL, XLVII, 1969, стр. 25—26. Автор, однако, исследует понятия vicinus, vicinitas в моральном плане.

«Будь хорош — к соседям (*vicinis*)... Если соседи (*vicinitas*) будут видеть тебя с удовольствием, ты легче продашь свое, легче сдашь подряды, легче наймешь рабочих (*operarios conduces*). Будешь строиться — они тебе помогут работой, подвозом, материалом. Если, упаси бог, случится нужда, — они благожелательно защитят тебя» (*Cat.*, 4). Перечисляя обязанности виллика, Катон пишет: «Семян для посева, съестных припасов, полбы, вина и масла он никому не одолжит. У него есть два-три хозяйства (*duas aut tres familias habet*), где он может попросить, что ему нужно, и которым он сам даст в долг, — но больше никого» (*Cat.*, 5, 3). Рекомендую различные способы организации рабовладельческой виллы, Катон, как известно, полной мерой черпает из традиционной практики крестьянского хозяйства²⁵. Зависимость новых рекомендаций от старых норм проявляется и во взаимоотношениях катоновских имений с соседней округой. Аграрные писатели последующего времени — Варрон, Колумелла и Плиний Младший — тоже уделяли большое внимание этой же проблеме²⁶, так как были заинтересованы в наличии дешевых рабочих рук, удобных путей сообщения, безопасности местности. Но их взаимоотношения с соседней округой носят характер равноправных деловых отношений с соседями-помещиками или богатого владельца с бедными арендаторами²⁷; отношения, описанные Катон, предполагают нечто иное — именно взаимопомощь: работой, подвозом, материалом; хозяева одалживают друг другу семена, съестные припасы. Причем особо тесные связи налажены с двумя-тремя хозяйствами²⁸. Крестьянский характер соседской взаимопомощи выдает фраза «если, упаси бог, случится нужда...» и т. д.²⁹ Видимо, описывая соседские взаимоотношения, Катон заимствовал опыт крестьянской практики и переносил ее особенности на отношения собственников рабовладельческих вилл.

О совместном использовании несколькими ближайшими соседями общественного выпаса на пастбищах, на пойменных землях, лесах и других неудобных и потому не подлежащих межеванию местах, говорится в трактатах римских землемеров, относящихся к I—II вв. н. э. и, по всей вероятности, отражающих древнюю практику³⁰. Действительно, трудно

²⁵ Некоторые примеры подобраны нами в статье: «О датировке катонского „Земледелия“» (ВДИ, 1966, № 2, стр. 60—61, со ссылками на литературу). См. также *T i b i l e t t i, Lo sviluppo...*, стр. 247; *R e m o d o n*, ук. соч., стр. 292.

²⁶ *V a r r o*, I, 16, 1—4; 17, 2; *S o l.*, 1, 2, 1—3; 3, 1—7; соответствующие места из переписки Плиния Младшего подобраны нами в статье «Хозяйство Плиния Младшего» (ВДИ, 1962, № 2, стр. 39—40).

²⁷ Когда Варрон говорит (I, 16, 3), что имение приносит большой доход, если есть возможность недорого купить в соседних городах и деревнях необходимое для хозяйства и продать свои излишки, нанять ремесленников и лекарей, то эти отношения с соседями никак не предполагают взаимопомощь, а являются обычными деловыми отношениями. Ср. также, например, *S o l.*, 1, 7, 1—5 и особенно *P l i n.*, *Epist.*, III, 19, 5; V, 14, 8; VIII, 2, 1—15; IX, 1, 16, 36, 6; 37, 2—4; X, 86, где предполагаются отношения зависимости соседних арендаторов-колонов от землевладельца-патрона.

²⁸ Скорее всего, это были ближайшие соседи. Употребленные здесь термины (*familias*) могли означать не чисто рабские коллективы, как это характерно для I в. до н. э., а всю семью мелкого производителя, включая всех его домочадцев (*A. E r n o u t e t A. M e i l l e t, Dictionnaire étymologique de la langue Latine. P.*, 1939, стр. 329—330).

²⁹ *C a t.*, 4: *Si aedificabis, operis, iumentis, materia a d i u v a b u n t. Si quid (bona salute) usus venerit bene defendent.*

³⁰ *Corpus agrimensorum romanorum, rec. C. Thulin, MCMXIII* (далее — *CAR Thulin*). *S i c. F l.*, *De cond. agr.* стр. 116 (о совместном пользовании лесом и пастбе скота), стр. 118 (о *compascua publicisque solis*), стр. 122 (об использовании пойменных земель соседями), стр. 127—129 (об использовании пустыющих земель и *subseciva, silvae, loca aspra*); *H u g.*, *Gr o m.*, *Const.* стр. 164 (об отдаче излишков земли ближайшим владельцам для совместного использования *compascua*: *H u g.*, *De gen. cont. pascu*); *H u g.*, *de gener. agror.* р. 88 [об использовании ближайшими соседями полей, прилегающих к рекам и, видимо, затопляемых (р. 79)]. Об *agri compascuae* см. также р. 77—78. Правда, Леонид Тарентский при описании участка Климена, наряду с по-

себе представить нормальное существование крестьянского хозяйства без права выпаса скотины, пользования лесными угодьями на общественных землях: ведь небольшой участок крестьянина, конечно, не имел собственного леса или пастбища, как рабовладельческие имения или латифундии. Соответствующее право — одно из необходимых, и оно оставалось нерушимым при Империи ³¹.

Право совместного использования некоторых угодий создавало известную основу и для других форм соседской взаимопомощи в том числе и мобилизации дополнительной рабочей йсилы в экстренных случаях (строительство, горячие работы и т. п.). Насколько необходима и живуча была эта практика, показывает ее существование в Италии в течение всей древности, средневековья и вплоть до настоящего времени в некоторых отсталых районах (в Аbruццах) ³². Своего рода естественность такой взаимопомощи ближайших соседей, искони свойственная крестьянскому быту, осознавалась столь сильно, что, видимо, лежала в основе философских рассуждений, на первый взгляд, довольно далеких от крестьянского мировоззрения. В этой связи любопытно одно из рассуждений Цицерона в трактате «Об обязанностях» (I, 7, 20—22). Он исследует принципы товарищества (*societas*) или как бы некоторой общности (*communitas*) людей, считая наиболее фундаментальными ее основами: справедливость — *iustitia* и благожелательство — *beneficentia*. «Но первая обязанность справедливости, — продолжает он, — чтобы никто никому не наносил вреда, если он не раздражен несправедливостью. Затем, чтобы общим пользоваться как общим, частным как своим. Ведь частное дается не от природы, но или давним владением, когда кто-то некогда овладел никому не принадлежащим, или победой, когда кто-то захватил во время войны, или по закону, договору, условию, жребию. Отсюда случилось, что арпинская область называется областью арпинцев, тускуланская — тускуланцев, аналогично положение и частных владений. Поэтому, поскольку каждому требуется необходимое из того, что является общественным по природе, пусть каждый пользуется тем, что каждому досталось, если же кто стремится к большему, тот насилует право человеческого союза. Однако, как прекрасно было сказано Платоном, поскольку мы рождены не только для нас самих, часть нашего существа требует родина, часть — родичи, часть — друзья. По мнению стоиков, все, что рождает земля, создано для пользы людей, следовательно, сами люди рождены для людей, чтобы они сами между собой, друг для друга могли приносить пользу. В этом мы должны следовать указанию природы и ставить в центр внимания общие интересы путем обмена услуг, взаимным предоставлением то мастерства, то рабочей силы, то своих средств, чтобы крепить товарищество людей ради людей» ³³. Приведенное рассуждение Цицерона, предполагающее какое-то товарищество, основанное на сочетании пользования общественного и частного, взаимного обмена услугами, имуществом и рабочей силой, отражает полисную в основе своей идеологию мелких производи-

досками для засеивания зерновых и крошечным виноградником, упоминает маленькую рощицу для рубки.

³¹ M. Weber, *Die römische Agrargeschichte in ihrer Beziehung für das Staats- und Privatrecht*, Stuttgart, 1891, стр. 119—125; A. Burdese, *Studi sull'ager publicus*, Torino, 1952, стр. 111—123; Sereni, *Comunità rurale nell'Italia antica*, Roma, 1955, стр. 494—512.

³² Sirago, ук. соч., стр. 130.

³³ Cic., *De off.* I, 7, 22: *in hoc naturam debemus ducere sequi communes utilitates in medium afferre mutatione officiorum, dando accipiendo tum artibus, tum opera, tum facultatibus devincire hominum inter homines societatem*. Некоторой аналогией к словам Цицерона могут служить Dig. XVII, 2, 52, 2, в частности: *si in coeundo societate, inquit, artem operamve pollicitus est alter...*, и т. д. Разбираемые места из Цицерона и Дигест указаны мне Е. М. Штаерман, за что приношу ей сердечную благодарность.

телей, краеугольным камнем которой была взаимопомощь равноправных собственников и граждан.

Итак, источником рабочей силы, необходимой для обработки крестьянского участка, были прежде всего члены семьи мелкого производителя и соседская помощь, второстепенное значение (в относительно зажиточных хозяйствах) имели немногие рабы, наконец, наем мерценнариев. Поэтому хозяйство было относительно хорошо обеспечено рабочей силой и мало зависело от колебаний рабского рынка и притока мерценнариев.

ОРГАНИЗАЦИЯ ХОЗЯЙСТВА

Весьма интересен вопрос об исследовании непосредственной организации хозяйства мелкого производителя, в том числе набора сельскохозяйственных культур, системы земледелия и обработки почвы, урожайности. Земледелие крестьянское, конечно, не совпадало с научным³⁴ (как оно понималось во II в. до н. э. — I в. н. э.) земледелием. Крестьянину недосуг было изучать специальные руководства типа сочинений Катона, Варрона, Колумеллы и другие, к тому же и предназначенные не для него. Хозяйствование крестьянства основано больше не на руководствах, а на наблюдении над природой, насколько оно доступно простому труженику, и на дедовском опыте³⁵. Вот почему Вергилий, отражавший опыт крестьянских хозяйств, советует: «Ветры вызвать и прав различной надо погоды, дедовский также прием и обычай местности данной. Что тут земля принесет и в чем земледельцу откажет» (I, 51—53).

Насколько можно судить по «Георгикам» Вергилия, набор сельскохозяйственных орудий в крестьянском хозяйстве был невелик: это тяжелый плуг (I, 97; 162) с железным лемехом (I, 162; 356) и плетенки-бороны (I, 95), повозки с медленным ходом (I, 163), тяжелые мотыги (I, 94; 155; 164; 355), молотильные волоки (I, 164), корзины и разнообразные плетенки (I, 165—166), двурогие вилы (I, 264), серпы (I, 157). Этот нехитрый инвентарь, за редкими исключениями, изготовлялся самим хозяином. Так, Вергилий красочно описывает процесс изготовления даже относительно сложного орудия — плуга, начиная от выбора дерева до его окончательной отделки³⁶. Сельскохозяйственные орудия по большей части

³⁴ Т. Франк (Frank, An Econ. Hist., стр. 436—437) возражает против этого. Он считает, что агротехника на мелких участках и на плантациях была одинаковой (там же, стр. 100). Однако Р. Ремодон (ук. соч., стр. 306) справедливо говорит о научном земледелии (с точки зрения того времени). Насколько сложной и требующей специальной подготовки наукой стала римская агрономия к I в. н. э., говорит Колумелла (praef. 21—30).

³⁵ Консерватизм и приверженность к дедовским традициям обычно присущи крестьянству. Об этом см. Heitland, ук. соч., стр. 204; G. P a r a s o g l i, L'agricoltura dei Etruschi e dei Romani, Roma, 1942, стр. 69—77; T i b i l e t t i, Lo sviluppo..., стр. 239—242.

³⁶ V e r g., Georg. I, 169—175:

Без промедленья, чтоб сделать в лесу рукоятку, вязину
С силой великою гнут, кривизну придавая ей плуга.
В восемь ступней у него от корня протянуто дышло,
Пара ушков и с двойным приспособлена тылом рассоха,
Валят и лицу еще для ярма, и рослые буки,—
Заднюю ручку,— чтобы низ поворачивать сооруженья.
Взвешены у очага, дерева испытуются дымом.

Основываясь на словах Вергилия, quae curtus a tergo torqueat imos, комментатор Вергилия Сервий полагал, что Вергилий описывает колесный плуг. См. S e r v., Comm. Georg. I, 174. Некоторые исследователи принимают это толкование Сервия. См., например, D e l P e l o P a r d i, Gli attrezzi rurali e il lavoro agricolo nell'antichità, Roma, стр. 44. М. Е. Сергеев (Очерки..., стр. 50—51) категорически высказывается против этого толкования. Наиболее детальное исследование проблемы «плуга Вергилия» см. R. A i t k e n, Virgil's Plough, JRS, 46 (1956), стр. 97—106. Не считая плуг Вергилия колесным, Эйткин говорит о его широком распространении в римском мире и в последующие столетия.

были деревянные, железных частей было немного: съемный сошник, заканчивающийся зубом (I, 262), тяжелая лопатообразная мотыга-растр (I, 94; 155; 164; 355), вилы двузубые (I, 264), серп (I, 157). Железные орудия или их части, конечно, приобретались земледельцем у деревенского ремесленника или в соседнем городе. Поскольку крестьянин работал сам и бережно относился к орудиям труда, особенно железным, то однажды купленные на рынке железные части служили долго. Ограниченный ассортимент сельскохозяйственных орудий, приобретаемый на рынке, предполагает небольшие вложения.

Одной из важнейших операций в земледелии было удобрение полей с целью восстановления почвенного плодородия. В каждом крестьянском хозяйстве обычно содержался скот, но в небольшом числе, так что получение достаточного количества удобрения было не простой задачей. Вергилий предполагает использовать для полей три вида удобрений: жирный навоз (*firmus pinguis* — I, 81), золу (*cinis immundus* — I, 81), иногда советует палить истощенную ниву, т. е. сжигать оставшуюся солому, лишь срезав колосья (ср. Varr., I, 50, 1—2). В поэме нигде не упоминается о собирании и хранении навоза (как, например, в сочинении Варрона). Очевидно, его было немного и само собой разумелось, что каждый крестьянин его тщательно сохранял. Удобряться не только нивы, но и виноградники, причем принимались меры против размывания почвы и растрескивания земли во время летних каникул (Verg., *Georg.* II, 346—353). Из описания Вергилия неясно, насколько решили проблему восстановления почвенного плодородия в мелких хозяйствах. Скорее всего, в подобных хозяйствах удобрения неоставало³⁷: несколько голов скота давали мало навоза, золу вряд ли можно было получить в более или менее значительных количествах. Более удобным средством было сжигание соломы, но крестьянин, как правило, дорожил ею как кормом для скота³⁸ и не всегда мог пойти на это. Скорее всего, проблема восстановления почвенного плодородия путем удобрения решалась лишь частично³⁹.

Более эффективным методом было восстановление истощенных сил земли в крестьянских хозяйствах использованием соответствующей системы земледелия и применением примитивных севооборотов. Вергилий упоминает три системы земледелия. Наилучшей, с его точки зрения, является трехполье: «Нива ответит тогда пожеланиям всех землепашцев жадных, коль два раза зной испытает и два раза холод; жатвы с нивы такой столь огромны, что треснут амбары» (I, 47—49). Однако наряду с трехпольем упоминается как вполне приемлемая и двухпольная система:

«Также терпи, чтобы год отдыхало под паром,
Чтоб укрепилось оно, покой на досуге вкушая»
..... (I, 71—72)

«А с промежутками в год — труд спорый: лишь бы скулую
Почву вдоволь питать навозом жирным, а также
Грязную сыпать золу поверх истощенного поля»
(I, 79—81)

Здесь мы не станем подробно останавливаться на истории систем римского земледелия. Можно лишь обратить внимание на то, что, в отличие от традиционного двухполья, трехполье было сложной системой, освоен-

³⁷ Ср. С а т., 61, 1, где он, видимо, отдавая дань традиционной крестьянской практике, удобрение полей ставит на последнее место.

³⁸ См. Сергеевко, Очерки..., стр. 65, 216, прим. 7.

³⁹ Р. Бийар (Billard, ук. соч., стр. 76—87) очень обстоятельно описывает применение удобрений, но, к сожалению, он оперирует больше данными Колумеллы и Плиния, чем Вергилия.

ной в передовых хозяйствах того времени относительно поздно, — видимо, не ранее II в. до н. э. На крестьянские участки трехполье проникло, по всей вероятности, в I в. до н. э., и Вергилий правильно подчеркивает его преимущества. Однако упомянутая им же двухпольная система изображается если не как наилучшая, то как привычная и, очевидно, широко распространенная.

Заслуживает внимания следующее место из «Георгик» Вергилия (продолжающее цитированные выше стихи I, 71—72):

«... Или златые там сей, — как солнце сменится, — злаки,
Раньше с дрожащим стручком собрав горох благодатный,
Или же вики плоды невеликие, или лупинов
Горьких ломкие стебли и лес их гулкозвонящий»

(I, 73—76)

Этот отрывок предполагает посев бобов, вики или лупина на ранее пустовавшем под паром (см. выше) участке и использование его под пшеницу в следующем году. Иначе говоря, здесь речь идет о чередовании культур — пусть о примитивном, но тем не менее о севообороте⁴⁰. Примитивные севообороты выросли на основе традиционной двухпольной системы и были тесно с ней связаны. Их освоение в крестьянских хозяйствах — показатель развития последних; это второй путь (наряду с переходом к трехполью) интенсификации и известного движения вперед консервативного мелкого земледелия. Переход к трехпольной системе земледелия и использование парового участка под посев бобовых в традиционном двухполье открывали перед крестьянским хозяйством дополнительные возможности: увеличивалось количество получаемой продукции и в какой-то степени (даже при малом применении удобрений) решалась проблема восстановления почвенного плодородия.

Применение нескольких систем земледелия, в частности трехполья, двухполья простого и двухполья с примитивными севооборотами отражает известную дифференциацию среди крестьянских хозяйств Италии I в. до н. э. Существовали как относительно интенсивные хозяйства, применявшие передовые системы земледелия, так и более консервативные по своей организации. К первым по большей части принадлежали зажиточные крестьянские и ветеранские хозяйства (порядка 20—30 юг.), имевшие возможность вкладывать некоторые средства и применять рабскую силу, в то время как основная масса крестьянских хозяйств относилась ко второй категории. Возможно, что хозяйства первого типа располагались вблизи городов и были теснее связаны с городским рынком, чем хозяйства крестьян, владевших земельным участком до 20 юг.

Важнейшая операция в земледелии и в то же время показатель интенсивности обработки — вспашка. Вергилий дает рекомендации о вспашке двух видов почв: плотных — жирных и тощих — рыхлых. Жирные почвы рекомендуются первый раз вспахать в начале года, т. е. в январе-феврале и «лежащие глыбы... пусть пропечет жарой накалившейся лето» (I, 64—66), затем необходимо провести вторую вспашку с помощью наклонного плуга. После двух вспашек нужно землю бороновать («борону, кто из лозин влачит, тот полю на пользу» — I, 95). «Если же почва скупа, тогда перед самым Арктуром (т. е. в конце сентября. — В. К.) будет довольно ее поднять бороздой неглубокой, — и чтоб обидеть не мог урожаев

⁴⁰ Об освоении севооборотов говорит Т. Франк (An. Econ. Hist..., стр. 429). М. Е. Сергеев склонна недооценить эту сторону итальянского земледелия (Очерки..., стр. 59); см. также М. И. Б у р с к и й, Введение, в сб. «Катон, Варрон, Плиний о сельском хозяйстве», М., 1957, стр. 37—38.

радостных плевел, и чтоб бесплодный песок не утратил влажности скудной» — I, 67—70); на таких почвах вторую вспашку, видимо, не проводили, а образовавшиеся комья дробили мотыгой⁴¹ или ограничивались боронованием (I, 94—95). Таким образом, Вергилий предлагает ограничиваться двойной вспашкой на плотных жирных почвах и одной на рыхлых, при обязательности боронования, считая это достаточным для нормального посева. В рабовладельческих же виллах обычно была принята тройная, а на плотных землях даже и многократная вспашка⁴². Из других операций Вергилий советует многократное мотыжение, орошение страдающих от засухи полей и, напротив, отведение с полей лишней влаги (I, 105—117). Как можно видеть из этих рекомендаций, в мелком хозяйстве проводили значительно меньшее число сельскохозяйственных операций, а общий агротехнический уровень был ниже, чем в передовых рабовладельческих поместьях⁴³.

При посеве обращают внимание на отбор наиболее крупных семян и их предварительную предпосевную обработку селитрой (nitro) и масляным отстоем (I, 193—199)⁴⁴. Представляет интерес исследование ассортимента сельскохозяйственных культур, высеваемых на мелких земельных участках. Вергилий сообщает о следующих культурах: дважды упоминаются полба (*farrago* — I, 73; 219), вика (*vicia* — I, 75; 227), лен, овес (*linum, avena* — I, 77; 212), по одному разу — пшеница (*triticum* — I, 219), ячмень (*hordeum* — I, 210), фасоль (*phaseolus* — I, 227), чечевица (*lens*), просо (*milium* — I, 216), бобы (*faba* — I, 215), мидийская трава (*medica* — I, 215), люпин (*lupinum* — I, 75); вполне возможно, что описательное выражение в I, 74 — *laetum siliqua quassante legumen* — означает горох — *pisum*. Возможно, список Вергилия не совсем полон и ряд важных для мелкого хозяйства культур не упомянут по случайным причинам, например, репа — довольно распространенный и выгодный продукт. Во всяком случае, этот перечень до известной степени отражает набор наиболее популярных культур⁴⁵ в крестьянских хозяйствах и позволяет подметить некоторое своеобразие крестьянского земледелия. Из 15 названий различных культур яровыми совершенно определенно названы лишь бобы, мидийская трава и просо, все же остальные рассматривались как озимые. Вергилий не упоминает яровую пшеницу, которая в рабовладельческих виллах занимала некоторое место⁴⁶. С другой стороны, помещение таких растений, как вика, горох, овес, фасоль, чечевица, люпин среди озимых показывает, что они рассматривались в качестве продовольственных, а не кормовых культур. Особенно любопытно упоминание о возделывании льна и овса в крестьянских хозяйствах. Как из-

⁴¹ Georg. I, 94 заставляет предполагать, что в ряде хозяйств почву рыхлили не плугом, а мотыгой. В II, 354—357 говорится о земледельцах, которые вспахивают виноградник не плугом, а прочными мотыгами (*duros bidentes*). Не говорят ли эти данные об очень бедных бесплужных хозяйствах? О подобной практике упоминает и Варрон (I, 37, 4). М. Е. Сергеевко (в кн. В а р р о н, Сельское хозяйство, М.—Л., 1963, стр. 152) пишет по этому поводу: «Интереснейшее место, свидетельствующее о наличии участков столь небольших, и хозяйствах таких бедных, что поля обрабатывали лопатой вручную».

⁴² V a r r o n., I, 29, 2; C o l., II, 4, 83, 11; X I, 2, 46—47; P l i n., HN, XVIII, 181; P l i n., Epist. V, 6, 10. Ср. Сергеевко, Очерки..., стр. 54—57.

⁴³ Сергеевко, Очерки..., гл. 2—3, стр. 25—77; В. И. Кузичин, Очерки по истории земледелия Италии II в. до н.э. — I в. н.э., М., 1966, стр. 167—193; ср. F r a n k, An Econ. Hist..., стр. 100.

⁴⁴ Кузичин, Очерки..., стр. 178—180, где собраны свидетельства о семенном деле в рабовладельческих имениях.

⁴⁵ В качестве обычной пищи деревенского жителя Горадий называет нут, бобы, люпин (*Sat.* II, 3, 182), нут и овес (*Sat.* II, 6, 84).

⁴⁶ В имениях Колумеллы посевы яровой пшеницы могли занимать до $\frac{1}{3}$ всех полевых площадей (C o l., II, 12, 7—8).

вестно, лен сильно истощал почву, и многие владельцы рабовладельческих вилл скептически относились к этой привередливой культуре (Col., II, 10, 17; Plin., XIX, 6—7), но в крестьянском хозяйстве лен был необходим для изготовления пряжи и полотна (ср. Georg. I, 291—294, а также I, 285—286). Следует обратить внимание на то, что среди возделываемых культур есть и овес. Это первое литературное свидетельство о возделывании культурного овса в Европе вообще⁴⁷. Он, видимо, был окультурен впервые в Заальпийской Галлии и раньше всего проник в Предальпийскую Галлию, где широко распространился в крестьянских хозяйствах. В рабовладельческих поместьях овес был культурой очень редкой не только в I в. до н. э., но и в I в. н. э. и лишь в последующие столетия стал высеваться чаще⁴⁸. Можно говорить о широком распространении пшеницы в Италии I в. до н. э. — I в. н. э. и относительном снижении удельного веса полбы⁴⁹. Однако из описания Вергилия нельзя уловить какое-либо предпочтение⁴⁹. Напротив, создается впечатление даже о несколько большем внимании к полбе. Пшеница была культурой капризной, требовавшей хороших земель и тщательного ухода, полба же была надежна и неприхотлива (сам Вергилий называет ее выносливой полбой — *robusta farra* — I, 219), и весьма вероятно, что ее-то и предпочитали в крестьянских хозяйствах⁵⁰. Из многочисленных сортов пшеницы упоминается только один — *triticum*; очевидно, силго и яровые сорта возделывались меньше⁵¹.

Исследование списка сельскохозяйственных культур, упомянутых Вергилием, таким образом, приводит к некоторым выводам: в крестьянских хозяйствах высевались наиболее важные продовольственные культуры, которые обеспечивали крестьянский двор необходимыми продуктами, однако по сравнению с рабовладельческими виллами ассортимент культур в мелком хозяйстве был значительно меньшим (например, Варрон, Колумелла, Плиний Старший упоминают приблизительно в два раза больше разных растений и сортов⁵²). Из названных растений значительное место занимают бобовые, которые рассматривались преимущественно как продовольственные культуры⁵³. Из зерновых большее значение имела полба, а не пшеница. Важное место занимали лен и овес. Значительный удельный вес бобовых и полбы скорее всего объясняется тем, что они меньше истощали землю, требовали меньших затрат труда, не нуждались в обильном удобрении, неплохо шли на разных, в том числе и на плохих землях, применялись в примитивных севооборотах и вместе с тем играли большую роль в снабжении крестьянской семьи продовольствием. Лен же, хотя и истощал землю и был весьма трудоемок, однако

⁴⁷ А. И. Мордвинкина («К истории культуры овса в СССР») считает первым упоминанием о культурном овсе отрывок из *P l i n .*, HN, XVIII, 149 — см. Кузицин, Очерки..., стр. 116—121. Овес как продовольственную культуру упоминает, видимо, и Гораций (*Sat.* II, 6, 84).

⁴⁸ Кузицин, Очерки..., стр. 118—121.

⁴⁹ J. A n d r é, *L'Alimentation et la cuisine à Rome*, P., 1961, стр. 53—54.

⁵⁰ В Georg. I, 267 Вергилий описывает, как земледелец, задержанный под крышей дождем, просушивает зерно на огне (*torrete igni fruges*): опять-таки здесь имеется в виду полба. Ср. Кузицин, Очерки..., стр. 90—101.

⁵¹ Г. Д о р (*D o h r*, ук. соч., стр. 74) отмечает преобладание зерновых в крестьянских хозяйствах.

⁵² Варрон упоминает о трех десятках различных названий полевых культур (в том числе силго, яровая пшеница, нут, чина, могар, горошек, виковая чечевица, сезам, конопля, репа и брюква, разные кормовые смеси, ситник, спарт и др. — *V a r r .*, I, 23, 1—6).

⁵³ О воспитании на бобовых (*cicer, faba, lupinum*) говорит Гораций (*Sat.* II, 3, 182). О большой роли бобовых в питании населения см. A n d r é, ук. соч., стр. 35—42; М. Е. С е р г е е н к о, Жизнь древнего Рима, М.—Л., 1964, стр. 124.

был необходим в хозяйстве ⁵⁴. Подобный подбор сельскохозяйственных культур обеспечивал устойчивое существование крестьянской семьи, делал ее независимой от рыночных колебаний, вместе с тем позволял восстанавливать почвенное плодородие в условиях недостатка удобрений.

Кроме полевых культур в каждом крестьянском хозяйстве непременно возделывали виноград. Виноградное вино было одним из основных продуктов питания древнего италийца, и Вергилий не раз живописует мирный деревенский быт скромных землевладельцев, которые коротают долгий зимний досуг за чашей вина, устраивают дружеские пирушки ⁵⁵. Вергилий посвятил уходу за виноградниками целую книгу (вторую). Его рекомендации довольно полны и касаются всех основных вопросов агротехники виноградников, начиная с выбора почвы, посадки саженцев и кончая приготовлением вина ⁵⁶. Чтение второй книги не оставляет сомнений, что все симпатии автора на стороне виноградаря, вьющегося по деревьям, — *arbustum*, а не шпалерного.

Может быть, как глубоки должны быть ямы, ты спросишь?

Я бы решился лозу борозде неглубокой доверить.

Много глубже зато сажают в землю деревья...

(II, 288—290)

Вергилий не советует сажать среди виноградных рядов ореховое дерево, дикую маслину (II, 298—303) — совет, имеющий смысл только в том случае, если речь идет о подборе деревьев, по которым должны виться лозы.

Кончив посадку кустов, остается окучивать лозы
Чаще у самых корней и взмахивать крепкой мотыгой,
Или же почву трудить нажимом плуга и между
Лоз виноградных самих прогонять волов напряженных.
Легкие тут камыши, из ободранных веток поддержки,
Вязовых колышков ряд приспособь и рогатки-двурожки,
Чтобы при помощи их укреплялись, выдерживать ветры
Приобыкали и вверх постепенно взбирались на вязы.
С нежной доколе листвой взрастет младенческий возраст,
Юную нужно беречь. Пока веселая к небу
Ветви тянет она и привольная в воздух стремится
Трогать не время ее серпа острием, но, согнувши
Пальцы, листву хватать, ее обрывать, чтоб редела.
А как начнут обнимать, едва лишь окрепнув корнями,
Вязы, режь им листву, обстригай боковые побеги

(II, 354—368)

Рассказывая о последних работах на винограднике перед зимой, Вергилий прямо говорит об *arbusta* (II, 416) ⁵⁷. Предпочтение, отдаваемое Вергилием виноградному саду, скорее всего объясняется тем, что при

⁵⁴ Культура льна занимала заметное место в крестьянском хозяйстве и в других странах, например в России конца XIX — начала XX в. См. А. Кауфман, Вопросы экономики и статистики крестьянского хозяйства, М., 1918, стр. 238—245; А. В. Чаянов, Место льна в организованном плане крестьянского хозяйства, М., 1914.

⁵⁵ Verg., Georg. I, 295—296; 300—301, 344; II, 4—8; 380—396, 527—529. См. также Ног., Sat. II, 2, 121—125 и др.; Андé, ук. соч., стр. 164—176.

⁵⁶ Billard, ук. соч., стр. 165—251. Однако автор скорее описывает общее состояние италийского виноградарства I в. до н.э. — I в. н.э., чем, собственно, виноградарство по данным Вергилия.

⁵⁷ Billard, ук. соч., стр. 189.

описании агротехники виноградника он зависит от местного опыта родной Мантуи и Цизальпинской Галлии, где арбуст был издавна очень популярен⁵⁸. Но вряд ли оно объясняется только этим. Видимо, Вергилий больше отражал обычную практику мелких хозяйств, где арбуст предпочитался винограднику на подпорках. Этот вывод подкрепляется некоторыми сообщениями Горация. Рассказывая о деревенской жизни Волтея Мены, обрабатывающего участок в 14 югеров, Гораций говорит о нем, как о человеке, поглощенном лишь своими лозами, бороздами да вязами⁵⁹. Шпалерный виноградник был трудоемкой и дорогостоящей культурой, хотя и давал большой сбор и более высокого качества винограда⁶⁰. Лучшие италийские вина приготавливались из винограда, выращенного таким способом. Одним из горячих его пропагандистов был Колумелла, который считал возделывание таких виноградников самым прибыльным делом (III, 3, 3.10). По всей вероятности, точку зрения Колумеллы разделяли многие сторонники интенсивного хозяйства, владельцы рабовладельческих вилл. Виноградный сад — арбуст, как требующий меньших расходов и рабочей силы, предпочитали более экономные рабовладельцы⁶¹. Согласно данным Вергилия, виноградный сад — обычное явление на крестьянском участке, что не было случайным. Крестьянину было не просто устраивать плантаж почвы на 3—2,5 фута, как это делали в рабовладельческих виллах, и он предпочитал сажать лозу в неглубокую борозду. В его винограднике не было большого разнообразия сортов, он мог не знать ряда агротехнических приемов, ему было недосуг производить разнообразные прививки и улучшения (Вергилий, кстати, об этом не говорит)⁶². Крестьянину было хлопотно заготавливать громоздкое приданое, стоимость которого, по подсчетам Колумеллы, превышала в два раза стоимость югера земли⁶³. Разведение же лоз на деревьях было удобно во всех отношениях: оно требовало меньших расходов и труда, давало необходимое количество винограда и вина, к тому же с деревьев можно было нарезать листьев для скота и хворосту для очага. Конечно, получавшееся из такого винограда вино не отличалось высокими качествами, но вполне подходило для домашнего употребления. Такое вино вряд ли могло идти на продажу в более или менее значительных количествах — оно было слишком дешевым, да и не могло конкурировать с винами рабовладельческих вилл.

Рекомендует Вергилий разводить и маслину:

Наоборот, для маслин обработки не нужно. Маслины
Не ожидают серпа никакого, ни цепкой мотыги,
Лишь укрепятся в земле и к воздуху станут привычны...

⁵⁸ E. Sereni, Storia del paesaggio agrario italiano, Roma, 1961, стр. 15.

⁵⁹ Hor., Epist. I, 7, 83—84; ex nitido fit rusticus atque sulcos et vineta crepat mera, praeparat ulmos.

⁶⁰ Col., III, 2, 1—32; Plin., HN, XVII, 199, 203. В Сираго (ук. соч., стр. 251—264) подробно говорит о виноделии в Италии. См. также L. Bellini, La viticoltura nella politica economica di Roma Republican, Roma, 1947; L. Dalmaso, La viticoltura al tempi dell'impero Romano, Roma, 1940. О больших затратах труда в некоторых операциях по уходу за виноградником см. Кузицин, Очерки..., стр. 212—214. Об этом подробно говорит Колумелла в III, 3.

⁶¹ Plin., HN, XVII, 203. Напротив, Колумелла к арбусту относится очень сдержанно. См. de arb. 6—7, а также de arb. 5.

⁶² В Georg. II, 9—109 говорится о разных способах посадок, прививках и т. п., но здесь Вергилий имеет в виду в этом месте общий высокий уровень италийского виноградарства, а не специально практику крестьянского хозяйства: например, греческие и индийские сорта вряд ли были известны в крестьянских хозяйствах. См. Villard, ук. соч., стр. 165—251, а также Бурский, Введение..., стр. 49.

⁶³ Стоимость 1 югера земли была 1 тыс. сест., а цена приданого — 2 тыс., общая же стоимость шпалерного виноградника в 7 юг., включая все расходные статьи, достигала громадной для крестьянина суммы — 29—32,5 тыс. сест. Col., III, 3, 8—10.

Жирную, кроткую ты питай же мира оливу!
 Что до плодовых дерев,— лишь ствол почувствуют крепким,
 Силы свои обретут, они к созвездьям поспешно
 Собственной мощью стремятся, в подмоге от нас не нуждаясь.
 (II, 420—428)

Оливковое масло и маринованные маслины — необходимые продукты питания италийца⁶⁴. Неудивительно, что Вергилий называет оливы в числе деревьев. обычных на крестьянском участке. Они, например, росли даже на крошечном участке Симила, героя «Moretum»⁶⁵.

Оливу, как и виноградник, относят к интенсивным культурам, требующим большого внимания и ухода⁶⁶. Однако в приведенном отрывке Вергилий говорит, что «для маслин обработки не нужно». В своей поэме Вергилий не дает никаких советов по уходу за маслинами (например, подчистки, обрезка, прививка и т. п.), подчеркивая их неприхотливость. Насколько нам известно, в передовых хозяйствах отношение к оливе было пным, и вряд ли Вергилию это не было известно⁶⁷.

Однако поэт правильно отражает практику крестьянского хозяйства, где за маслинами, видимо, не присматривали столь тщательно, как в рабовладельческих виллах. Несколько оливковых деревьев росли на крестьянском участке, не обременяя хозяина заботами, приносили немного корзины плодов невысокого качества, которые частично мариновались, частично использовались для получения масла, далеко не первосортного, но вполне пригодного к употреблению.

В I, 273—274 Вергилий говорит о продаже масла на городском рынке, что предполагает известную заинтересованность крестьянина в его качестве и в получении его в большем количестве. Видимо, при этих условиях уход за маслинами, росшими на участке, был более тщательным, требуя и больших знаний, и большего труда.

На крестьянском участке росли некоторые плодовые деревья — несколько яблонь⁶⁸, груш, слива (Verg., Georg. IV, 142—146), смоковница (Hor., Sat. II, 2, 122), — уход за которыми требовал еще меньше хлопот, чем за прихотливой маслиной⁶⁹. Получаемые продукты потреблялись крестьянской семьей, однако некоторые, как можно думать из I, 273—274, предназначались и на продажу, хотя поэт называет их дешевыми плодами — *vilia roma*.

Важное место в питании древнего италийца, и особенно сельского жителя, занимали овощи: чеснок, лук, капуста и др.⁷⁰ Неудивительно, что на любом крестьянском участке, как бы он ни был мал, огород с посевами овощей был непременной частью. В некоторых надписях небольшие участки прямо называются огородами, огородиками⁷¹, скорее всего, видимо, потому, что при сокращении площади под зерновыми, виноградниками, огород приобретал несколько большее значение, а его удельный

⁶⁴ André, ук. соч., стр. 183—185.

⁶⁵ Moretum, 113—115: ergo Palladii guttas instillat olivi и т. д.

⁶⁶ Это показано М. Е. Сергеевко в ее комментарии к трактату Катона. См. К а т о н, Земледелие, М.—Л., 1950, стр. 120—122.

⁶⁷ Billard, ук. соч., стр. 252—269; Dohr, ук. соч., стр. 59—61; Б у р с к и й, ук. соч., стр. 49—50.

⁶⁸ Скорее всего яблоки подразумеваются в Georg. II, 516; IV, 142.

⁶⁹ Р. Бийар (Billard, ук. соч., стр. 160) отмечает слабое внимание Вергилия к фруктовым деревьям. См. также L. Wilkinson, The Georgics of Vergil. A Critical Survey, Camb., 1969, стр. 242.

⁷⁰ André, ук. соч., стр. 49—51; Сергеевко, Жизнь древнего Рима, стр. 123.

⁷¹ CIL, VI, 33840; Dessau, 7455a; 8376; CIL, X, 3159. Ср. S i g a g o, ук. соч., стр. 131.

вес на маленьких участках относительно возрастал. Корикийский старик, имевший несколько югеров земли, непригодной для полевых культур и виноградника, тем не менее имел огород (IV, 127—130). Еще более убедителен пример Симила, который разбил недалеко от своей хижины огородик, обсаженный ивами, небольшой по площади, но засаженный всеми необходимыми для сельского жителя огородными растениями⁷². Здесь у него росли: капуста (*holus*), свекла (*beta*), щавель (*rumex*), мальва (*malva*), девясил (*inula*), морковь (*siser*), лук (*porrum*), салат (*lactuca*), редька (*radix*) и даже тыква (*cucurbita*). Из этих овощей Симила готовил себе салат — *moretum*, который наряду с хлебом и был его основным кушаньем (Мор. 87—120). Огород не требовал особых забот, и Симила находился в нем лишь при перерывах в полевых работах (в дождь, в праздничные дни) или после их окончания⁷³. Лишенный тщательной обработки, огород приносил овощи, необходимые для потребления, однако если городской рынок был относительно недалеко (так, чтобы до него дойти пешком), часть овощей продавалась. Во всяком случае, в огороде Симила росла тыква, которая специально предназначалась на продажу (Мор. 78—81). По всей вероятности, товарные овощи были объектом более внимательной заботы⁷⁴.

Разведению скота Вергилий посвящает третью книгу, где он описывает правила ухода за крупным и мелким рогатым скотом, лошадьми. Хотя в III книге нет раздела об уходе за свиньями, но по отдельным замечаниям, разбросанным в I—II книгах, можно думать, что в большинстве крестьянских хозяйств были и свиньи⁷⁵.

Значительное внимание, уделяемое Вергилием разведению лошадей⁷⁶ и крупного рогатого скота, кажется, не очень соответствует практике мелкого крестьянского хозяйства. Его советы по уходу за коровами могли пригодиться крестьянам, но лошадь в подобных хозяйствах не находила применения: пахали на волах, перевозили тяжести на мулах и ослах. Крупные скотоводы разводили лошадей для конницы, ристаний и т. п., но в мелких хозяйствах уход за лошадьми вряд ли экономически оправдывал себя. Тем не менее трудно допустить, что Вергилий в данном случае отражал не хозяйственную практику своего времени, а создал сугубо литературное описание, насыщенное многими мифологизмами. Скорее всего, поэт имеет в виду в данном случае практику хозяйства многочисленных ветеранов, которые как бывшие военные, во многих случаях служившие в коннице, располагая средствами, позволяли себе роскошь содержать коня⁷⁷. На наш взгляд, Вергилий не случайно в III, 288 говорит о сильных земледельцах — *fortes coloni*. Скорее всего, он имеет в виду более зажиточных, крепких хозяев и, в частности, ветеранов. В большей части крестьянских хозяйств лошадей, видимо, не разводили, однако прочий скот — пара волов, коровы, несколько овец и коз, свиней — был обычен.

⁷² *Moretum*, 61—65: *Hortus erat iunctus casulae, quem vimina pauca et calamo rediviva levi munibat harundo exiguus spatio, variis sed fertilis herbis nil illi derat quod pauperis exigit usus interdum locuples a paupere plura petebat.*

⁷³ *Moretum*, 66—69: *nec sumptus erat illud opus sed recula curae si quando vacuum casula pluviaeve tenebant festave lux, si forte labor cessabat aratri horti opus illud erat.*

⁷⁴ На это, возможно, указывает строчка *Moretum* 78: *et gravis in latum demissa cucurbita ventrem.*

⁷⁵ *V e r g.*, *Georg.* I, 399—400; 305 (сбор желудей); II, 520. Живущий очень скромно Оффела (*H o r.*, *Sat.* II, 2, 117) со своим многочисленным потомством ест свинину. Однако Симила (Мор. 56—59) в своей кладовой не имеет никаких окороков, хотя там висит круг сыра.

⁷⁶ *Billard*, *ук. соч.*, стр. 296—319.

⁷⁷ Б у р с к и й, *Введение...*, стр. 48—49.

Нельзя не обратить внимания на тщательность описания и полноту советов Вергилия по уходу за скотом. Отбор скотины, улучшение породы, уход за молодняком, состав кормов и устройство хлебов, выпас в разные части дня, болезни и их лечение — все это находит отражение в поэме.

По всей вероятности, большое внимание, уделяемое Вергилием разведению скота, отражает значительный удельный вес его в крестьянском хозяйстве⁷⁸. Без скота невозможно само существование крестьянского хозяйства. Даже у Симила, видимо, одного из беднейших землевладельцев, к тому же лишённого семьи, есть козы, быки, на которых он пашет (Мог. 68, 124), и, возможно, овцы. Бедняк Волтей Мена, владеющий 14 юг. земли, постоянно в заботах о волах, овцах, козах (Ног., Epist. I, 75, 85—86).

СВЯЗИ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА С РЫНКОМ

Заслуживает специального рассмотрения вопрос о рыночных связях крестьянского хозяйства. Оно, конечно, не было изолированным: ряд необходимых вещей приобретался на рынке, некоторые продукты крестьянского производства продавались. В тех хозяйствах, где имелись рабы, они, несомненно, покупались на рынке. Правда, ветераны могли приобрести себе несколько рабов во время военной службы, тем не менее после нескольких лет мирной жизни такие рабы могли быть потеряны и утрату нужно было восполнять. Покупались некоторые орудия труда, главным образом железные: сошники для плуга, серпы, ножи, вилы, мотыги и т. п. Как сообщает Вергилий, из города крестьянин привозит черную смолу и тесаный камень (I, 274—275). Деньги иногда были нужны крестьянину для расплаты с поденщиком, а для получения денег нужно было продавать часть производимого продукта. Вергилий сообщает в нескольких местах о том, что везет на продажу в город крестьянин.

Часто осла нагружает ленивого маслом погонщик
Или простыми плодами⁷⁹; из города ж он, возвращаясь,
Черной смолы с собой привезет иль тесаный камень
(I, 273—275)

В III, 400—402 он пишет:

То молоко, что они на заре надоили, иль в полдень,—
Ночью сжимают; а то, что доили во тьме, на закате,—
Рано пастуху пастух относит корзинами в город...

В других местах Вергилий упоминает о пастухах, которые стогняют в небольшой город приплод овец (Verg., Buc. I, 21), видимо, молодых барашков, продают на городском рынке творог (там же, 32—35). Симила также связан с городским рынком, куда он везет овощи со своего огорода, а возвращается домой с кошельком, набитым деньгами, скорее всего медными (Мог. 79—84). Таким образом, здесь в качестве товарных продуктов названы оливковое масло, овощи, дешевые яблоки, скорее всего вообще фрукты, молоко, творог, молодняк, возможно, пшеница.

В крестьянском земледелии основное внимание уделялось бобовым и полбе, которые ценились невысоко и потому не могли быть товарными культурами, но более дорогая пшеница, которая высевалась на крестьянских полях, могла вывозиться и на рынок. Насколько нам известно, на-

⁷⁸ Ср. D o h r, ук. соч., стр. 75.

⁷⁹ Точнее «дешевыми плодами» — *vilia roma*.

личных денег было мало, и крестьянин ими дорожил. Хотя Цицерон несколько сгущает краски, но, видимо, правильно передает существо мелкого производства: «Когда вы грабили и расхищали урожай земледельцев, — пишет он, — земледелец терял, по крайней мере, не более того, что он сам добыл своим плугом, что дала ему его работа, его нивы, его посева... Но чтобы дать деньги, которые он не выпашет, которые он не добывает плугом и рукою, земледелец должен продать и быков, и самый плуг, и все свои сельскохозяйственные орудия...» (Cic., in Verr. III, 198—199). Несколько дальше Цицерон говорит о том, что сумму в 8 тыс. сест. крестьянин (arator), конечно, не может выручить в течение трех лет и, чтобы ее собрать, вынужден продать свой сельскохозяйственный инвентарь (там же, 201).

Нужно, однако, подчеркнуть, что некоторые сообщения Вергилия должны быть отнесены к хозяйствам, расположенным в относительной близости к городу. Ведь везти свежую зелень, надоенное на заре молоко, молоденького барашка на примитивных повозках и без специально оборудованных хранилищ имело смысл лишь на близкое расстояние. Вино, масло, некоторые фрукты, пшеницу, мясной скот можно было транспортировать и на относительно далекие расстояния. Упоминание Вергилием тесаного камня и смолы, которую закупает в городе крестьянин, продавший там свое масло, однако, показывает, что в данном случае имеется в виду торговля в ближайших окрестностях. Крестьянские хозяйства, расположенные в известном отдалении от городов, были связаны с рынком еще слабее.

Немногие примеры рыночных связей крестьянского хозяйства показывают, что они были эпизодичны и случайны. Они не затрагивали его основ, основная масса продукции крестьянского двора производилась и потреблялась здесь же, а за его пределы попадали ничтожные излишки. Реализация этих излишков играла роль лишь дополнительного фактора в нормальном функционировании крестьянского хозяйства.

По своей внутренней структуре крестьянское хозяйство было мало связано с рыночными отношениями. Крестьянский двор был обеспечен собственной рабочей силой, а необходимость в дополнительной покрывал за счет соседской помощи; основные и несложные орудия труда, за небольшими исключениями, делались самим владельцем и его соседями. Набор культур был таков, что позволял снабдить крестьянскую семью необходимыми продуктами питания. Крестьянин — собственник своего участка на полном вквиритском праве — не платил и налогов.

Бесспорно, в ряде крестьянских хозяйств, особенно расположенных в пригородной местности, рыночные связи приводили к интенсификации хозяйства, повышению доходности, обогащению владельцев. Однако большая часть крестьянских дворов была мало затронута рыночными отношениями и потому колебания торговой конъюнктуры не отражались на них болезненно. При неблагоприятной конъюнктуре крестьянские хозяйства, как-то связанные с рынком, относительно безболезненно рвали товарные связи, продолжая функционировать как особый хозяйственный тип.

Иным было положение другой разновидности крестьянского хозяйства, а именно хозяйств различных категорий арендаторов, в том числе и колонов, выплачивавших арендную плату в денежном выражении.

Владельцы подобных хозяйств нуждались в звонкой монете для регулярной выплаты арендной платы и потому, видимо, должны были до известной степени ориентировать свое хозяйство на рынок. Вполне возможно, что в хозяйстве колонов получили большое значение товарные отрасли и культуры, и сила необходимости заставляла их возделывать в

большем размере пшеницу, разводить ценные сорта винограда и изготовлять качественное вино, получаемое со шпалерных виноградников, выращивать дефицитные овощи. Возможно, что в таких хозяйствах чаще находили применение рабы, а общий уровень агротехники был выше, чем у собственников-крестьян.

Необходимость ориентировать небольшие хозяйства на рынок ставила перед их владельцами много сложных и тяжелых проблем, решить которые, пользуясь слабыми возможностями мелкого производства, было, видимо, трудно. Хозяйство арендаторов-колонов, в связи с этим, было менее устойчивым, в большей степени подвержено превратностям рыночной конъюнктуры и колебаниям цен, чем товарные рабовладельческие виллы, с одной стороны, и хозяйства крестьян-собственников — с другой⁸⁰. Угроза разорения была для колонов реальной и, выражаясь словами Плиния Младшего, лучшим лекарством для них был перевод арендной платы из денежной формы в натуральную — из доли урожая.

Такое нововведение Плиния Младшего должно было привести к серьезным последствиям и перестройке хозяйства колона. Оно, видимо, способствовало сближению обеих разновидностей мелкого производства, резко сокращало хлопотливые рыночные связи, связанные с ними расходы и трудовые затраты. Колон, выплачивавший аренду из доли урожая, терял интерес к интенсификации хозяйства, высокой агротехнике, отказывался от товарных культур, от дополнительной рабской рабочей силы. Колон теперь стремится к возделыванию таких культур, которые обеспечивали бы его семью основными продуктами питания, главным образом зерновыми и бобовыми. Он заинтересован в такой урожайности, которая обеспечила бы ему прожиточный минимум и долю арендной платы землевладельцу.

Колонатное хозяйство становится самодовлеющим, мало связанным с рынком, но, при известном понижении общего агротехнического уровня, оно тем не менее приобретает большую, чем раньше, устойчивость и жизнеспособность.

Исследование крестьянского хозяйства как экономического типа позволяет сделать вывод о его известной жизнеспособности. Крестьянский двор мог пережить сложную рыночную конъюнктуру, подъем или падение цен, трудности денежного обращения.

Основами определенной устойчивости крестьянского хозяйства как типа были: натуральное производство, обеспеченность рабочей силой, низкий уровень агротехники, слабая степень интенсификации. Крестьянский двор, как нам представляется, не был экономическим конкурентом рабовладельческой виллы или какому-нибудь другому типу поместья, он напоминал нейтральный газ в сложной газовой смеси, сосуществовал с другими компонентами, не вступая с ними в прямое соединение.

Экономические взаимоотношения крестьянского двора и рабовладельческой виллы во II в. до н. э. — I в. н. э., т. е. в эпоху максимального развития товарного производства, в римском рабовладельческом обществе были иными, чем, скажем, отношения крестьянского хозяйства и крупного земельного производства в эпоху капитализма, когда последнее подчиняло и поглощало первое, главным образом, экономическим путем, в результате стихийного действия законов товарного производства.

Тем не менее, сделанный вывод об экономической устойчивости крестьянского хозяйства в Риме требует известных коррективов. Ведь римские

⁸⁰ О тяжелом положении колонов, вносящих денежную арендную плату, совершенно недвусмысленно говорят Колумелла (I, 7, 1—2) и особенно Плиний Младший (P l i n., Epist. III, 19, 5; V, 14, 8; VIII, 2, 1; IX, 15, 1; 16; 36, 6; 37, 2—2, X, 8, 6).

крестьянские хозяйства находились в своеобразных социально-политических условиях. Не вдаваясь здесь в разбор этих условий, отметим лишь, что бесспорная тенденция к падению роли крестьянского хозяйства в Риме II в. до н. э.— I в. н. э. (которую преувеличивают многие исследователи) может быть объяснена не столько игрой экономических сил, сколько специфической социально-политической обстановкой того времени.

С другой стороны, внутренняя устойчивость крестьянского хозяйства как экономического типа оказалась основой его постоянного сосуществования с рабовладельческими виллами, его высокой сопротивляемостью напору других типов хозяйств и определила значительную роль крестьянства и крестьянского хозяйства в римском обществе и римской экономике II в. до н. э.— I в. н. э.

В более бедственном положении находились маломощные крестьянские хозяйства с земельным участком до 10 югеров и хозяйства арендаторов, выплачивавших арендную плату в денежном исчислении. По всей вероятности, именно эти категории римских крестьян испытывали на себе первые удары, вызывавшиеся экономическими и социально-политическими потрясениями, а их земли создавали один из резервов крупного землевладения.

Анализ экономики крестьянского хозяйства показал, что по своей организации оно было отсталым, консервативным, архаичным. Столбовая дорога италийского сельского хозяйства пролегла через укрепление и распространение других, более динамичных хозяйственных типов — рабовладельческих вилл.

THE PEASANT FARM AS AN ECONOMIC TYPE

by V. I. Kuzishchin

The author considers the peasant farm from an economic standpoint, in particular he discusses its labour force, farm organisation, i. e. various crop combinations, the interrelation of these with the system of agriculture, the degree of intensification of production, the tools of production and the ties between the peasant household and the market, and arrives at the following conclusions.

The peasant farm existed as one type of Roman agricultural production, along with slave-worked villas, and held a definite position in the system of agrarian relations in Italy at the period of maximum development of slave relations in the Italian countryside (II century B. C.— I century A. D.). The basic features of this economic type were an adequate labour force of one's own, many-branch farming which supplied most needs of the peasant family, a low degree of intensification and only occasional resort to the market, reproduction of existing production conditions at a constant level. These features guaranteed the internal stability of the peasant farm, its vitality and capacity to resist the economic pressure of slave-worked farming. They were the basic factors allowing the continued coexistence of this type of farming with the increasingly numerous slave-worked villas and they determined the considerable role played both by the peasantry as a social group in Roman slave society and by the peasant farm as a unit of Roman agriculture and of the Roman economy as a whole in the period under review. At the same time the author calls attention to the differentiation within the type, the existence of both small and relatively large (20—30 *jug.*) peasant farms and of tenant farms which differed from the norm in some respects but did not on the whole depart from the economic type described in the article.